

11 класс

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста - прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа **Сергея Дурылина «Сирень»**, приняв во внимание важнейшие аспекты его художественной организации: композиционные особенности, своеобразие портретных деталей, речевых характеристик и др.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Сергей Дурылин

СИРЕНЬ

П.Васильеву

Сирень синела в саду. Расчищали и посыпали песком одну сиреневую аллею. За сиренью, высоко вздымавшею острые голубовато-лиловые грозди, шумела молодая, спорая чаща берез, осин и кленов. Пахло густо и нежно сиренью. Пили чай в аллее, близ дома. Гость, Порослев, профессор провинциального университета, высокий брюнет, с седыми висками и молодыми глазами, сказал, озираясь на серый, приземистый дом с белым полукруглым балконом, на песок аллеи, на кусты сирени:

– Удивительно! Двадцать лет – и все то же. Эту сиреневую гущину, голубую, синюю, я помню с юности, с первого приезда в Утешкино. Говорят, надо обрывать все цветы, чтобы сирень пышно цвела на следующий год. Кто же это теперь делает?

– Никто не обрывает, – ответил Лебель, штабс-ротмистр в давней отставке.

– Некому. Я и сестра, мы заняты хозяйством. К тому же я не люблю цветов в комнате. Они через несколько часов вянут – и тогда с языка не сгонишь глупого стиха: «Облетели цветы, догорели огни». Терпеть не могу этой поэзии чахоточных гимназистов...

Софья Ивановна, сестра Лебеля, передала Порослеву стакан крепкого чаю и сказала:

– При чем тут цветы? Она была в сером холстинковом платье. Волосы у нее были чуть тронуты сединой и гладко причесаны.

– При том. В природе нет чахотки: никаких бесконечных кхи, кхи! Там есть просто смерть: приходит одинаково ко всем – к животным, к насекомым, к цветам – скоро и просто: были и нет. Цветочки в вазочках, как хочешь, похожи на тонкую девицу, которая чахнет, чахнет, и все никак не может дочахнуть. Терпеть не могу! Софья Ивановна с некоторой досадой дослушала брата, терпеливым движеньем поправила пенснэ на тонкой золотой цепочке, и спросила:

– Ты кончил? Позволь тебе заметить, что цветы не виноваты в том, что наша жизнь пуста и скучна. Очень естественно, что люди желают хоть чем-нибудь ее скрасить. Цветы в доме – это обрывки живых красок и цвета, которых так не хватает в нашей жизни... Порослев заметил : у нее дрожали руки, когда она говорила. Ему не хотелось, чтобы продолжался спор, и он сказал, не решив, кончила или нет Софья Ивановна:

– Двадцать лет тому назад сирень не была так густа. Между отдельными кустами были солнечные промежутки – пробивались жаркие солнечные просеки в лиловой гущине, и тогда сирень, с играющим в ней солнечным светом, мне напоминала море. Есть такое море, густое и пахучее, как сиреневая чаша. Я видел его впоследствии у берегов Греции. Я часто леживал с книгой, – изучал я тогда Еврипида, – в этих сиреневых промежутках с солнцем. От кустов шло мягкое тепло. Я закрывал глаза. Голубое, фиалковое, синее мутнело в глазах. Мне казалось, что меня захлестывает теплою фиалковою волною, и я засыпал под всплески моря. Это шумела сирень надо мною.

– Сирень сажала бабушка Анна Демьяновна, – сказал Лебель, закурив длинную папиросу в янтарном мундштуке. – Я ее помню: это была важная старуха в лиловом чепце, в персидской шали. От нее пахло туалетным уксусом. Она угощала нас, внуков, больдегомом из мешочка с бисерным турком. Она не любила лип. Она находила, что в липовых аллеях скоро заводится сырость и любовь...

Лебель засмеялся широким горловым смехом, который был неприятен Порослеву. – Бабушка полагала, что в сиреневой аллее они не заведутся. Сырость, действительно, не завелась: ты вот про солнце, но любовь завелась, и мой отец, по преданию, именно в этой сиреневой аллее объяснился в любви покойнице матери...

– Вероятно, в доме, в синей гостиной, у окна, откуда видна сиреневая аллея, – поправила Софья Ивановна. – Это было любимое место мамы во всем доме.

– Если так, – ответил Лебель, взвивая кольца дыма и внимательно смотря им вслед, – то, значит, и это предание так же недостоверно, как все предания вообще. Порослев взял со стола ветку махровой персидской сирени, лежавшую возле Софьи Ивановны, и задумчиво водил ею по своему лицу, потом понюхал ее и отложил в сторону.

– Сиреневых аллей мало в других имениях в округности, – сказал Софья Ивановна.

– Да, я почти не встречал их, – отозвался ей Порослев.

– Двадцать лет назад, – помните? – мы все, когда сирень начинала отцветать, по приказу вашей матушки, бросались в сад, и считалось доблестью оборвать куст весь, до чиста, до одной веточки. Была примета, что такой куст на следующий год будет весь в цвету, как одна ветка. Плели венки из сирени и все поголовно искали сиреневое счастье...

– Предавайтесь, господа, своим сиреневым воспоминаниям по принципу: «что прошло,

то будет мило», – сказал Лебель, вставая, – а меня прошу извинить: вижу у балкона меня ждет Федор Тарасыч по молочным делам. Требуются мои резолюции.

Он встал и, дымя папиросой, пошел к дому.

– Искали сиреневое счастье, – повторил Порослев.

– И никто не нашел, – тихо вставила Софья Ивановна.

– Да, не нашел, – согласился Порослев, – т.е. тогда находили в цветах, а вообще не нашли.

Он помолчал.

– Я не люблю этого слова: счастье. Я не понимаю его. Что значит: искать счастье? Справедливо старое, но верное наблюдение: счастливые не знают, что они счастливы. Счастье – как воздух: его присутствие вокруг нас мы замечаем только тогда, когда начинается его отсутствие, когда его не хватает для наших легких. Когда оно есть, никогда не знаешь, что оно есть. Это, по-видимому, всеобщий закон. Счастье – это слово не для обозначения настоящего, а только для прошедшего и будущего. Но для будущего употреблять его в наши годы смешно, а для прошедшего... Лучше просто вспоминать это прошедшее: тогда оно на миг делается настоящим, и тогда вновь не требуется этого слова. Он выпил холодного крепкого чаю. Ему хотелось говорить.

– Сирень удивительно цветуща. Она щедра, как молодость. Я не люблю одиночных цветов: мне кажется, они назойливо говорят: смотрите на меня – я цвету. Сирень цветет такой гущиной и целиной, что у нее, как у луга, у леса, у моря миллион таких «я» или, вернее, нет ни одного. Оттого я не отделяю молодость от сирени, от этих вот кустов... Он повел рукою и еще раз оглянул сирень.

– Прошло двадцать лет, я опять здесь, мы одни, через два часа я уеду, и мне хочется рассказать вам, что было ровно двадцать лет назад, когда также цвела сирень и на закате, в аллее ложились душистые лиловые тени...София Ивановна сидела в плетеном кресле неподвижно.

«Она стареет, – подумал Порослев. – У нее дрожат руки»...

– Я уехал двадцать лет назад, отсюда, если помните, в Петербург держать магистерский экзамен. Я не мог готовиться в Утешкине: сирень не давала. Мои темы были узко-филологические – им, положительно, мешала сирень. Перед отъездом я решил сказать Вам то, что я тысячу раз говорил себе в солнечных промежутках, между кустами сирени. Оставался час до отъезда. Я решил, что я найду Вас и скажу Вам, что я Вас люблю, и буду просить Вашей любви. В доме и на балконе Вас не было. Я прошел в кленовую аллею, пересек парк по боковой дорожке (она теперь заросла), спустился к реке: Вы там любили сидеть. Нигде Вас не было. Я вышел в сиреневую аллею сбоку, – и сразу

увидел Вас: Вы сидели вон под тем кустом на скамейке, – и читали. Закрывшись книгой, Вы не видели меня. Вы не слышали моих шагов. Я прошел мимо Вас: Вы не заметили. Я обошел сиреневые кусты и остановился. Оттуда мне видно было Ваше лицо: Вы читали с таким светлым вниманием. На лице Вашем была написана такая радостная глубина сочувствия и тихого участия к тому, что Вы читали, что я не посмел приблизиться к Вам и прервать Ваше чтение. Мне было жалко остановить Вас в этом светлом и тихом миге сердечного умиления. Я только глянул на переплет книги. Он был оливковой кожи, на нем было оттиснуто золотом: Пушкин. Через час я уехал...

–Барин просит в дом кушать простоквашу...

Босая девушка стояла возле стола и дожидалась ответа. На балконе прохаживался штабс-ротмистр, скрипя половицами. Порослев встал и подал руку Софье Ивановне. Через час он уезжал и, прощаясь в прихожей, когда штабс-ротмистр уже спустился к лошадям, Софья Ивановна, кутаясь в шаль, улучила минуту и сказала Порослеву:

– А Вы знаете, что я читала тогда? Я читала письмо Татьяны. Я переписывала его в душе от себя. Я не переиначивала в нем ни слова. Я только изменила его адрес: я обращала его к Вам.

6 / VII / 1925, Москва

Выполните целостный анализ стихотворения **Ивана Бунина «В стороне далекой от родного края...»**. Обратите внимание на следующие особенности его поэтики: тематика и сюжет, состояние лирического героя, специфика детали, изобразительно-выразительные средства и др.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Иван Бунин

В стороне далекой от родного края
Снится мне приволье тихих деревень,
В поле при дороге белая береза,
Озими да пашни — и апрельский день.
Ласково синее утреннее небо,
Легкой белой зыбью облака плывут,
Важно грач гуляет за сохой на пашне,
Пар блестит над пашней... А кругом поют
Жаворонки в ясной вышине воздушной
И на землю с неба звонко трели льют.

В стороне далекой от родного края
Девушкой-невестой снится мне Весна:

Очи голубые, личико худое,
Стройный стан высокий, русая коса.
Весело ей в поле теплым, ясным утром!
Мил ей край родимый — степь и тишина,
Мил ей бедный север, мирный труд крестьянский,
И с приветом смотрит на поля она:
На устах улыбка, а в очах раздумье —
Юности и счастья первая весна!

Творческое задание

Представьте, что вы являетесь корреспондентом известного литературного журнала. Составьте возможный диалог двух литературных героев из разных произведений. Предварительно выберите конкретную проблему, которую могли бы обсуждать данные персонажи, например, Пьер Безухов и Евгений Базаров. Обоснуйте свой выбор героев русской литературы и обсуждаемых ими вопросов перед главным редактором издания. Ваша творческая работа должна уложиться примерно в 200-250 слов.